

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальное положение следователя в уголовном процессе»

Студент

Е.С. Козлова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, К.И. Дюк

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Следователь является одной из центральных фигур в числе субъектов уголовного процесса со стороны обвинения, обозначенных в нормах действующего УПК РФ. Закон наделяет следователя процессуальными полномочиями по производству следственных действий, по применению мер уголовно-процессуального принуждения и по принятию различных процессуальных решений.

С учетом особого значения роли следователя как субъекта уголовного процесса, исследование вопросов его процессуального положения является актуальным.

Цель работы: проанализировать основы процессуального статуса следователя в уголовном процессе России.

Объект исследования: процессуальные отношения, участником которых выступает следователь в уголовном судопроизводстве.

Предмет исследования: нормы отечественного уголовно-процессуального права, регулирующие основы процессуального статуса следователя как участника уголовного процесса.

Проблемы процессуального статуса следователя получили своё развитие в работах многих отечественных авторов.

Следует выделить в данном контексте работы таких специалистов как: Баев О.Я., Безлепкин Б.Т., Быков В.М., Вершинина С.И., Корнуков В.М., Смирнов А.В., Калиновский К.Б., Шейфер С.А. и других ученых.

Структурно работа состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие, сущность и история становления процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве	7
1.1 Становление и развитие процессуального статуса следователя.....	7
1.2 Понятие, правовые основы процессуального статуса следователя.....	12
Глава 2 Содержание уголовно-процессуального статуса следователя	18
2.1 Процессуальная функция и цель процессуальной деятельности следователя	18
2.2 Полномочия следователя	23
2.3 Взаимоотношения следователя с субъектами уголовного судопроизводства, осуществляющими контроль за его деятельностью.....	35
Глава 3 Проблемы реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве	46
3.1 Проблемы реализации полномочий следователя при производстве следственных действий.....	46
3.2 Особенности полномочий следователя при избрании меры пресечения..	52
Заключение	58
Список используемой литературы и используемых источников	65

Введение

Актуальность исследования. Участниками уголовного судопроизводства являются все субъекты, наделенные определенными полномочиями для выполнения назначения уголовного судопроизводства. Поэтому все участники уголовного судопроизводства разделены в законе на несколько групп, само наименование которых определяет содержание и целевую направленность участников судопроизводства, включенных в ту или иную группу.

Выделение среди основных участников судопроизводства суда и сторон обусловлено самим предметом уголовного судопроизводства, социальным конфликтом, для разрешения которого надо установить, имело ли место преступление, кто его совершил, виновность обвиняемого и др.

Следователь является одной из центральных фигур в числе субъектов уголовного процесса со стороны обвинения, обозначенных в нормах действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [52] (УПК РФ). Закон наделяет следователя процессуальными полномочиями по производству следственных действий, по применению мер уголовно-процессуального принуждения и по принятию различных процессуальных решений.

Принимаемые на уровне Правительства и Государственной Думы решения, направленные на борьбу с преступностью и коррупцией, не всегда приводят к ожидаемым результатам, так как механизм их реализации далек от совершенства. Сложившееся в нашей стране в конце двадцатого и начале двадцать первого столетия положение в организации и деятельности следственного аппарата не отвечает потребностям гражданского общества, поскольку не обеспечивает действенной защиты общепризнанных прав и свобод его членов. Результаты работы следователей вызывают серьезные нарекания со стороны граждан, а равно обоснованную критику со стороны средств массовой информации.

С учетом особого значения роли следователя как субъекта уголовного процесса, исследование вопросов его процессуального положения является актуальным.

Степень разработанности темы исследования. Проблемам, связанным с реализацией следователем своих властных полномочий при производстве по уголовному делу уделялось внимание как в исследованиях советских специалистов, так и в современных научных публикациях. Можно выделить работы таких авторов как: Баев О.Я., Безлепкин Б.Т., Быков В.М., Вершинина С.И., Корнуков В.М., Смирнов А.В., Калиновский К.Б., Шейфер С.А. и других ученых.

Объект исследования – процессуальные отношения, участником которых выступает следователь в уголовном судопроизводстве.

Предмет исследования – нормы отечественного уголовно-процессуального права, регулирующие основы процессуального статуса следователя как участника уголовного процесса.

Цель исследования – проанализировать основы процессуального статуса следователя в уголовном процессе России.

Задачи исследования:

- обозначить становление и развитие процессуального статуса следователя в истории отечественного государства и права;
- сформулировать понятие и обозначить правовые основы процессуального статуса следователя;
- рассмотреть проблемы определения процессуальной функции и обозначить цель процессуальной деятельности следователя;
- проанализировать основные процессуальные полномочия следователя;
- охарактеризовать взаимоотношения следователя с субъектами уголовного судопроизводства, осуществляющими контроль за его деятельностью;

- проанализировать проблемы реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве, связанные с производством следственных действий, а также избранием меры пресечения.

Методы исследования – в основе проведенного исследования лежит метод сравнительного анализа, логико-структурный анализ правовых норм, логический и аналитический метод.

Нормативно-правовая основа исследования включает в себя положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также иные Федеральные законы, а также материалы правоприменительной практики.

Теоретическая основа исследования включает в себя учебную литературу, комментарии к действующему законодательству, монографии и научные статьи.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, сущность и история становления процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве

1.1 Становление и развитие процессуального статуса следователя

Возникновение следователя, как субъекта уголовного судопроизводства, и становление его процессуального статуса имеет свою историю, которая неразрывно связана с историей становления предварительного расследования.

В этой связи, прежде, чем перейти к рассмотрению современного состояния нормативного регулирования процессуального положения следователя, представляется необходимым уделить внимание историческому контексту.

Как отмечается исследователями, в период Древней Руси меры по отысканию лиц, совершивших преступление, в основном принимались обществом, ввиду отсутствия в государственном аппарате Древнерусского государства особого органа, который бы занимался непосредственно выявлением и предварительным расследованием преступлений [44, с. 53].

Другими словами, процессуальную фигуру следователя (в современном представлении), заменяло само общество, включая потерпевшего, которому «Русская Правда» [41], как один из древнейших источников отечественного права, отводила активную роль в розыске преступника, фактически уполномочивая его на проведение досудебного следствия (розыска преступника и похищенного).

С дальнейшим развитием государства и права и появлением таких законодательных актов, как Судебник 1497 г и Судебник 1550 г. характер производства расследования преступлений стал усложняться, однако, процессуальной фигуры лица, уполномоченного производить расследование, всё ещё не было.

Как отмечается в научных публикациях, «розыском преступников занимались местные органы власти. С XIV века русские земли делились на уезды, возглавлявшиеся наместниками, а уезды - на волости, во главе которых стояли волостели. На этих должностных лиц, среди прочих, возлагались и задачи по розыску преступников. В нормативных источниках упоминается и специальное должностное лицо – «доводчик», являющееся представителем наместника или волостеля, которое ведало следствием и судом.

В XVI веке появились и специальные органы городского управления – вводится должность «городчика» (позднее - городского приказчика, городничего), за которым постепенно закрепляются все более широкие полномочия, в том числе и по розыску преступников» [45, с. 53].

В данный период отечественной истории, как указывается исследователями, «инициатива в розыске преступников начинает переходить к государству и на смену обвинительному процессу приходит розыскной (или инквизиционный) процесс, или, как его еще называют, розыскной, или инквизиционный, процесс, сочетавший в себе как элементы следствия, так и элементы оперативно-розыскной деятельности в ее современном понимании. Теперь уполномоченные государственные органы сами, в том числе вне зависимости от воли сторон, принимали решение о начале розыска, который они же и производили» [45, с. 53].

В конце XVI столетия розыск и поимка лиц, совершивших преступления, был отнесён к компетенции полномочных представителей центральных органов власти – так называемых «обыщиков».

Данный исторический факт можно считать отправным моментом возникновения в отечественной истории государства и права прообраза института современного следователя, с учётом того, что к числу ключевых задач обыщиков относился розыск преступников при содействии общины.

«Обыщики» (с начала XVII века именуемые «сыщики») действовали в пределах определенной территории и находились в непосредственном подчинении центральных органов власти, что предопределяло их

независимость от местных властей. Сыщик наделялся всей полнотой судебной следственной власти, при нем создавалась временная канцелярия. «Силовой поддержкой» сыщика становилось подразделение московских стрельцов [31, с. 88].

Как отмечается исследователями, «в России первой четверти XVIII в. не произошло смены розыскной формы уголовного процесса, но были созданы условия для появления первых специализированных следственных органов» [48, с. 51].

Образование самостоятельных специализированных российских следственных органов началось с «майорских» следственных канцелярий, именуемых в специальной литературе также как «канцелярии розыскных дел» [33, с. 120].

Моментом создания в России первого подобного специализированного следственного органа, по мнению Д.О. Серова, можно считать 25 июля 1713 г., когда «в г. Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич подписал указ о создании канцелярии под началом гвардии майора князя Михаила Ивановича Волконского» [43, с. 20].

Образование обозначенных «майорских» следственных канцелярий в качестве органа предварительного следствия было обусловлено назревшей практической необходимостью, которая и послужила стимулом для законодательной реализации.

Как указывается исследователями, «на смену «майорским» следственным канцеляриям в начале 1720-х гг. пришли следственная канцелярия генерал-прокуратуры и Розыскная контора Вышнего суда.

В целом, в период правления Петра I в нашей стране были впервые созданы три модели следственных органов: «1) вневедомственная модель (вневедомственный следственный аппарат) – «майорские» следственные канцелярии; 2) прокурорская модель (следственный аппарат в структуре органов прокуратуры) – следственная канцелярия генерал-прокуратуры; 3) судебная модель (следственный аппарат при органах правосудия) – Розыскная

контора Вышнего суда. Наряду с этим был учрежден квазиследственный орган – фискальская служба. После упразднения в 1726 г. Розыскной конторы Вышнего суда никаких преемственно связанных с ней органов следствия учреждено не было, в связи с чем специализированный следственный аппарат России прекратил существование» [47, с. 52].

В первой четверти XVIII столетия расследованием дел о преступлениях занимался достаточно широкий спектр органов и должностных лиц, включая «полицию, специализированные суды, региональные административные органы и органы городского самоуправления, временные следственные комиссии, в-пятых, направлявшиеся в сельскую местность «сыщики» [46, с. 51].

К началу правления Екатерины II следствие оказалось слитым, с одной стороны, с судебным разбирательством, а с другой стороны – с розыском преступников.

В начале XIX века преобразования, связанные с регулированием следствия, активно продолжились. В частности, Указом Александра I от 29 августа 1808 г. впервые предусматривалось введение в государственный аппарат отдельных должностных лиц, именуемых «следственный пристав», чье функциональное предназначение было связано исключительно с расследованием дел о преступлениях.

Следующим значимым событием в истории отечественного следствия XIX столетия стала, так называемая, следственная реформа 1860 г., правовую основу которой составил ряд нормативных документов, утвержденных императором 8 июня 1860 г: «Учреждение судебных следователей», пространный «Наказ судебным следователям», «Наказ полиции о производстве дознания», а также «Именной указ» [23] о введении в действие названных актов.

В обозначенных выше актах получили своё закрепление основы правового статуса судебного следователя, а также особенности

взаимодействия данного должностного лица с прокуратурой, судом и иными участниками уголовного судопроизводства.

Состоявшаяся в дальнейшем судебная реформа 1864 г. безусловно затронула всю существовавшую на тот момент правоохранительную систему Российской империи. К числу её итогов можно отнести полноценное разделение судебных и административных органов друг от друга, а также отделение судебной власти от власти обвинительной, с укреплением независимой роли суда. Кроме того, в контексте развития органов следствия, произошло учреждение института следователей по особо важным делам

Значимым в отечественной истории периодом стал переход от дореволюционного государства и права к советскому государству и праву. К началу 1917 г. организация органов следствия и статус российского следователя регулировались по-прежнему главным образом Судебными уставами 1864 г.

Значимые изменения в организация органов следствия было произведено уже в рамках первого, изданного Советским правительством нормативного акта – Декрета от 24.11.1917 г. №1 «О суде» [17].

Законодательно упразднялся институт судебных следователей упразднялся, а осуществление расследования «контрреволюционных» преступлений (а также актов саботажа и мародерства) возлагалось на следственные комиссии при учрежденных революционных трибуналах, а расследование остальных преступлений - на избравшийся территориальными Советами «местных судей». Следователи вновь оказались при судах, однако не стало прокурора суда, руководившего ранее предварительным следствием.

С организационной стороны с самого начала формирования советского государственного аппарата оказались воспроизведены судебная и административная модели построения органов следствия.

В конце 20-х годов XX столетия следователей передали от судов прокуратуре. С организационной стороны дальнейшее развитие органов

следствия происходило перед Второй Мировой войной в рамках административной и прокурорской моделей.

Органы следствия СССР и РСФСР развивались по-прежнему в рамках административной и прокурорской моделей. Значительным событием этого периода стало принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [54] (УПК РСФСР).

Данный нормативный документ действовал с рядом изменений и дополнений и в период перехода к постсоветскому демократическому государству, вплоть до принятия УПК РФ, обозначившего основы отечественного российского предварительное следствие в его современном понимании.

1.2 Понятие, правовые основы процессуального статуса следователя

Процессуальная основа статуса следователя обозначена непосредственно в тексте УПК РФ – в ряде его норм.

Нормативное определение следователя, в одном ряду с иными понятиями, используемыми в Кодексе, содержится в п. 41 ст. 5 УПК РФ: «следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом».

В специальной норме, посвящённой данному участнику уголовного судопроизводства, законодатель фактически воспроизводит данное определение, предваряя им регламентацию составляющих процессуального статуса обозначенного участника уголовного судопроизводства: «Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу» (ст. 38 УПК РФ).

Исходя из такого подхода, единственным предназначением следователя видится осуществление предварительного следствия по уголовным делам –

именно для этого данный субъект уголовно-процессуальной деятельности обозначен в нормах действующего законодательства.

Следует отметить, что «следователь», о котором идёт речь непосредственно в ст. 38 УПК РФ – это своего рода обобщённая процессуальная роль, без указания ведомственной принадлежности, что обуславливает единство процессуального статуса и правомочий в контексте расследования уголовных дел для следователей любых правоохранительных структур, независимо от ведомственной принадлежности.

На данный момент, исходя из положений ст. 151 УПК РФ, предварительное следствие осуществляют следователи Следственного комитета Российской Федерации, следователи органов федеральной службы безопасности и следователи органов внутренних дел Российской Федерации.

Причём, ведомственная принадлежность следователей, в соответствии с положениями УПК РФ регулярно подвергалась корректировке.

Вопросы организации следствия и положения следователей в государстве нашли свое отражение в концепции судебной реформы 1991 года. Была отмечена ведомственная разобщенность следственного аппарата, признано недопустимым объединение следственных подразделений и подразделений органов дознания под крылом одного ведомства, указано на опасность сращивания функций дознания, предварительного следствия и оперативно-розыскной деятельности.

До внесения изменений Федеральным законом от 30.06.2003 г. №86-ФЗ [63], п. 4 ч. 2 ст. 151 УПК РФ упоминал следователей налоговой полиции. Следователи Следственного комитета Российской Федерации, первоначально, были законодательно отнесены к органам прокуратуры РФ и именовались «следователи прокуратуры».

После изменений, внесённых Федеральным законом от 05.06.2007 г. №87-ФЗ [59] используемый ранее оборот изменился на «следователи Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации», и лишь после окончательного обособления данной структуры от органов прокуратуры

в качестве Следственного комитета Российской Федерации, законодатель внёс очередное изменение [62], определив оборот, используемый в современном правовом регулировании – «следователи Следственного комитета Российской Федерации».

До упразднения Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков Указом Президента РФ от 05.04.2016 г. № 156 [56], и внесения соответствующих изменений в УПК РФ [58], в п. 5 ч. 2 ст. 151 УПК РФ были обозначены «следователи органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

Следует отметить, что на данный момент законодатель фактически привёл ведомственную принадлежность следователя к тому прообразу, который был обозначен в п. 7 ст. 34 УПК РСФСР, посвящённой разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе: «Следователь – следователь прокуратуры, следователь органов внутренних дел, следователь органов государственной безопасности».

Отмеченное позволяет сделать вывод о том, что независимо от нормативных изменений статуса отдельных правоохранительных структур, процессуальный статус следователя изменениям не подвергался – лишь менялось указание на подследственность отдельных категорий уголовных дел следователям отдельных правоохранительных структур, что сообразно соответствующим ведомственным изменениям, находило своё параллельное отражение в ст. 151 УПК РФ.

В контексте рассмотрения понятия и процессуального регулирования статуса следователя уместно упомянуть о том, что Федеральным законом от 02.12.2008 г. №226-ФЗ [57] в п. 40 ст. 5 УПК РФ, законодатель ввёл новое – смежное с анализируемым, понятие «следователь-криминалист», чем вызвал неоднозначную реакцию учёных [36, с. 18].

В частности, специалисты указывают на то, что соответствующее определение не очень хорошо «вписывается» в терминологию, используемую в УПК РФ. Кроме того, есть ряд технических моментов, не позволяющих

говорить о том, что оборот «следователь-криминалист» введён в текст УПК РФ корректно.

М.В. Мешков и В.В. Гончар пишут: «декларируемая в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ возможность участия следователя-криминалиста в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий не может быть признана обоснованной, поскольку уголовно-процессуальный закон не предусматривает ни одного процессуального действия, регламент которого допускал бы участие в нем следователя-криминалиста в статусе участника уголовного процесса с присущими ему процессуальными функциями.

В настоящее время возможно утверждать, что существующий правовой статус следователя-криминалиста допускает его присутствие в ходе процессуальных действий лишь в качестве статиста или технического исполнителя распоряжений лица, производящего расследование. При этом действия следователя-криминалиста в подобной ситуации не имеют процессуально значимого характера» [36, с. 18].

Действительно, вводя в текст УПК РФ новое понятие «следователь-криминалист», законодатель не потрудился упомянуть его в иных, связанных со статусом данного участника уголовного судопроизводства (если это действительно полноценный участник уголовного судопроизводства) процессуальных нормах – в частности, касающихся производства следственных и иных процессуальных действий, что упоминается в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ: «следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству».

Судя по всему, законодатель полагает, что следователь-криминалист может принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях, пользуясь процессуальным статусом следователя – по аналогии с тем, как

руководитель следственного органа может пользоваться любыми полномочиями следователя (ч. 2 ст. 39 УПК РФ).

Косвенное подтверждение этого можно усмотреть в ст. 4 Федерального закона от 28.12.2010 г. №403-ФЗ «О Следственном комитете российской Федерации» [61] в рамках которой законодатель даёт официальное толкование основных понятий, используемых в вышеназванном Федеральном законе. В ч. 4 ст. 4, раскрывая понятие «следователь», законодатель содержательно включает в него и понятие «следователь-криминалист».

Тем не менее, в тексте УПК РФ законодатель не указал конкретно на распространение процессуального статуса следователя на следователя-криминалиста, а при буквальном толковании получается, что отсутствие указания на следователя-криминалиста в соответствующих уголовно-процессуальных нормах исключает его из числа участников производства тех процессуальных действий, которые в данных нормах регламентированы.

Представляется, что для устранения данной неточности законодателю следует, как минимум, скорректировать п. 41.1 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству, пользуясь при этом процессуальными полномочиями следователя, предусмотренными настоящим Кодексом».

При этом, законодатель вполне мог бы выделить в главе 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» отдельную статью 38.1 УПК РФ «следователь-криминалист», посвятив её особенностям процессуального положения данного участника, детализировав те ситуации, при которых следователь-криминалист вступает в процесс производства конкретного уголовного дела.

Тем не менее, даже при должном нормативном регулировании, исходя из отмеченного, очевидно, что именно следователь является ключевой фигурой, осуществляющей предварительное расследование, а следователь-криминалист некий опциональный участник, чьё появление в процессе производства по уголовному делу имеет, скорее, исключительный, ситуативный характер.

Таким образом, законодатель возлагает на следователей обязанность производить предварительное следствие по уголовным делам, которое представляет собой основную, наиболее полную и самую продолжительную форму предварительного расследования (нормативный срок – 2 месяца со дня возбуждения уголовного дела).

Именно в этой форме осуществляется расследование подавляющего большинства уголовных дел и лишь в отдельных случаях, обозначенных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, расследование производится в форме дознания.

Далее перейдём к рассмотрению вопросов, связанных с непосредственным содержанием уголовно-процессуального статуса следователя.

Глава 2 Содержание уголовно-процессуального статуса следователя

2.1 Процессуальная функция и цель процессуальной деятельности следователя

Вопрос о том, какую именно процессуальную функцию в своей уголовно-процессуальной деятельности реализует следователь продолжает волновать исследователей.

Как верно подчёркивает М.Т. Аширбекова «функции следователя, как и в целом его процессуальный статус, выступают своего рода индикаторами, проявляющими процессуальный облик предварительного следствия и, соответственно, «морфологию» уголовного судопроизводства» [2, с. 81].

Казалось бы, включив анализируемого участника уголовного судопроизводства в состав гл. 6 УПК РФ, законодатель предопределил отнесение следователя к субъектам уголовного процесса со стороны обвинения. Тем не менее, этот вывод не ни коим образом не означает, что профессиональная деятельность следователя в рамках производства по уголовному делу носит исключительно обвинительное свойство.

Данная точка зрения, на первый взгляд, вступает в противоречие со взглядом на выделение базовых процессуальных функций, которые и положены в основу разделения участников уголовного судопроизводства в рамках раздела II УПК РФ.

Однако, данное противоречие лишь видимость, поскольку реализация функции уголовного преследования, составной частью которого выступает обвинение, не исключает, а наоборот, предопределяет объективное начало такой деятельности.

Неоднозначность деятельности следователя с позиций реализуемой им процессуальной функции проявляется в контексте направленности на достижение назначения уголовного судопроизводства, которое определено в ст. 6 УПК РФ.

Ведь, помимо того, что следователь, реализуя свои должностные полномочия в ходе предварительного расследования, осуществляет не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Иное – противоречило бы обозначенному выше принципиальному положению, обозначенному в качестве цели и назначения всего комплекса уголовно-процессуальной деятельности.

Очевидно, что следователь обязан осуществлять все следственные и иные процессуальные действия, направленные не только на раскрытие преступления и уголовное преследование лица, его совершившего, но и на выявление всех иных обстоятельств, имеющих значение по делу, следователь обязан обеспечить права всех участников процесса, в том числе подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и др. [65, с. 294]

В этой связи заслуживает одобрения следующая точка зрения: «По УПК РФ следователь отнесен наряду с прокурором, руководителем следственного органа и некоторыми участниками процесса, к стороне обвинения.

В силу этого такое решение законодателя, как надо признать не является по сути соответствующим сущности функции следователя. Процессуальное назначение деятельности следователя сводится исключительно к реализации предварительного расследования по делу, а потому она не должна быть ни обвинительной и не оправдательной» [13, с. 29].

Автор делает, как представляется, верный вывод, однако, воздерживается от конкретного ответа на поставленный вопрос: какую же именно функцию реализует следователь в досудебном производстве по уголовному делу?

Некоторые авторы идут в своих рассуждениях дальше, указывая, что функцию следователя можно именовать «инквизиционной», уточняя, что

термин «инквизиционный» в своей изначальной трактовке означает не что иное, как «исследовательский» [69, с. 423].

Сказанное имеет смысл. В одной из своих работ известный процессуалист С.А. Шейфер, указывает, что «смысл процессуальной деятельности следователя заключается в объективном и беспристрастном исследовании обстоятельств уголовного дела» [67, с. 51].

При этом, по справедливому замечанию С.А. Шейфера, следователь «не может не испытывать состояния внутренней раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой – исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением» [68, с. 35].

Таким образом, С.А. Шейфер обоснованно рассматривает следователя как «исследователя обстоятельств криминального события, произошедшего в прошлом» [66, с. 8], говоря о следственных действиях, осуществляемых следователем в процессе расследования преступления, как об инструменте уголовно-процессуального познания.

Тем не менее, именовать данную функцию «инквизиционной» нецелесообразно, с учётом того негативного оттенка, который данное понятие приобрело с учётом исторического контекста.

Более нейтральным и отражающим сущность подхода видится оборот «познавательно-исследовательская» функция.

Как отмечает К.А. Шишпановым, «эта исследовательская функция является стержнем деятельности следователя. Не секрет, что формальная оценка указанной деятельности может складываться из чисто цифровых, статистических показателей, но настоящий профессионализм следователя раскрывается в том, насколько он владеет интеллектуальным искусством законного открытия истины» [69, с. 424].

Выделение трёх базовых процессуальных функций в виде разрешения дела по существу, функции уголовного преследования (обвинения) и функции

защиты связаны, как представляется, в первую очередь, с принципом состязательности. В соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РФ: «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо».

Именно данный принцип побудил законодателя распределить участников уголовного судопроизводства, в рамках раздела II УПК РФ по этим основным направлениям.

Такой подход законодателя имеет как свои достоинства, так и свои недостатки. Случилось так, что в состязание вовлекались не только стороны, но и сами процессуальные функции.

Как отмечается специалистами, «нормативная группировка участников оказалась не совсем безобидной: следователя превратили в сторону, в игрока, фактически в законодательном порядке заставили отвернуться от исследовательской миссии. Все эти теоретико-правовые нюансы создают неблагоприятный фон для исследовательской функции следователя» [69, с. 424].

Ещё в период действия УПК РСФСР, отдельные учёные высказывались критически относительно анализируемого нами вопроса о процессуальных функциях.

В.Г. Даев считал, что «признание лишь трех процессуальных функций не охватывает всю полноту деятельности участвующих в деле лиц, искусственно ограничивая направленность их деятельности заданными направлениями без учета действительных процессуальных интересов» [16, с. 64].

Как видится, обозначенная выше «классическая триада» базовых процессуальных функций плохо соотносится с досудебным производством, поскольку деятельность, связанная с проверкой сообщения о преступлении и последующим предварительным расследованием в рамках возбуждённого уголовного дела, является не состязательной по своей природе – у обвиняемого и его защитника объём процессуальных правомочий

несоизмеримо меньше, чем у должностных лиц, представляющих в данных правоотношениях государство, и ни о каком «параллельном расследовании», или «адвокатском расследовании» в процессуальном смысле слова речь не идёт и идти не может, исходя из концепции современного российского уголовного процесса. Природа досудебного производства, как это представляется, исследовательская.

Следователь в досудебном производстве обязан, будучи объективным и беспристрастным, создать все предпосылки привлечения к ответственности виновных и не привлечения к таковым лицам, невиновных в совершении преступления, что предоставляет собой важнейшую государственную задачу.

Поскольку назначение уголовного судопроизводства, сформулированное в ст. 6 УПК РФ – есть цель деятельности должностного лица (включая следователя), реализующего свои властные полномочия при производстве по уголовному делу, то средствами достижения данной цели, исходя из направленности деятельности следователя, будут выступать:

- своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела;
- своевременное наделение процессуальным статусом потерпевшего лица, которому преступлением причинён вред;
- осуществление доказывания в ходе производства предварительного следствия.

Как представляется, функция уголовного преследования (обвинения) – далеко не единственная функция следователя. Данный тезис поддерживается довольно большим числом исследователей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с точки зрения принципа состязательности, процессуальной функцией следователя является функция уголовного преследования (обвинения), но с позиций процессуальной сущности той деятельности, что реализуется следователем в досудебном производстве и преследуемой цели, которая состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения,

осуждения, ограничения ее прав и свобод, его процессуальной функцией является познавательной-исследовательская функция.

2.2 Полномочия следователя

Обнаружение признаков преступления «приводит в движение» правоохранительную систему, осуществляющую в установленных законом пределах разрешение уголовно-правовых конфликтов.

Обязательным условием законного и обоснованного разрешения уголовно-правовых конфликтов является всестороннее, полное и объективное установление обстоятельств их возникновения, а эту обязанность уголовно-процессуальный закон возлагает главным образом на следователя – ключевую процессуальную фигуру, обладающую властными полномочиями в контексте расследования уголовного дела. Тот комплекс полномочий, что определяет УПК РФ, по мнению законодателя, является достаточным и необходимым для выполнения указанной обязанности.

Как правило, ученые и практики, оперируя понятием «полномочия следователя», по-разному понимают его содержание.

Одни авторы вкладывают в понятие полномочий узкий смысл, рассматривая полномочия следователя лишь как «некоторую совокупность его процессуальных прав (возбуждать уголовные дела или отказывать в их возбуждении, самостоятельно производить любые предусмотренные законом следственные действия и др.)» [37, с. 22].

Другие авторы – включают в понятие полномочий следователя как его процессуальные права, так и предусмотренные законом процессуальные обязанности.

Отсутствие единого понимания в данном вопросе нельзя признать нормальным явлением, поскольку, как справедливо пишет Л.Б. Алексеева, «правильное уяснение той функциональной нагрузки, которую несет в каждом конкретном случае законодательная формулировка полномочия, имеет

существенное значение для его использования в точном соответствии с законом» [1, с. 152].

По мнению А.А. Власова, «полномочия следователя – это закрепленные в процессуальном законе возможности, позволяющие ему свободно и самостоятельно определять характер своего поведения на предварительном следствии в целях наиболее успешного выполнения возложенных на него задач, и в то же время его обязанности, предписывающие ему необходимость такого поведения, которое реализует его назначение в государственном механизме» [11, с. 10].

Такой подход к пониманию полномочий следователя видится правильным.

Как представляется, базовый комплекс полномочий следователя обозначен законодателем в ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Таким образом, в соответствии с ч. 2 ст. 38 УПК РФ «следователь уполномочен:

- возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом;
- принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности;
- самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа;
- давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве

иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении;

- обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном частью четвертой статьи 221 настоящего Кодекса, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков;
- осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом».

Особое внимание следует обратить на использование в п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ термина «иные полномочия», поскольку тем самым подтверждается то, что в п. 1-5 закреплены именно полномочия следователя.

Анализ положений ч. 2 ст. 38 УПК РФ приводит к выводу о том, что обозначенные в соответствующих пунктах полномочия следователя нуждаются в толковании в контексте их взаимосвязи с иными нормами УПК РФ, в рамках которых соответствующее полномочие конкретизируется и детализируется применительно к соответствующим процессуальным ситуациям.

Остановимся более подробно на анализе отдельных полномочий следователя.

В п. 1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ закреплено полномочие следователя «возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом». Данный процессуальный порядок находит своё отражение в ч. 1 ст. 146 УПК РФ, в соответствии с которой полномочие возбудить уголовное дело реализуется при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ.

Принятие процессуального решения о возбуждении, либо об отказе в возбуждении уголовного дела, следователь принимает, основываясь на результатах рассмотрения сообщения о преступлении, порядок которого детализирован законодателем в ст. 144 УПК РФ.

Именно благодаря проверке информации о совершённом, или готовящемся преступлении, содержащейся в сообщении о преступлении, следователь имеет возможность обеспечить законное и обоснованное реагирование уголовно-процессуальными средствами в той ситуации, когда в наличии признаки преступления и не инициировать возбуждение уголовного преследования по-всякому, (в том числе ошибочному, или надуманному) поводу, не подвергая законные права и интересы личности ограничению.

Как верно отмечает О.В. Волколуп, «предварительная проверка является сутью, основой стадии возбуждения уголовного дела» [12, с. 78].

Производство проверки сообщения о преступлении следует рассматривать как действенный инструмент обеспечения объективности на начальном этапе досудебного производства по делу, а также инструмент, обеспечивающий защиту интересы личности от необоснованного правоограничения – соответственно, данный процессуальный механизм направлен на реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Что касается отдельных способов проверки сообщений о преступлениях, которые могут быть использованы следователем, то они достаточно лаконично обозначены законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ без раскрытия и конкретизации процессуального порядка производства большинства этих способов.

Регламентируя порядок проверки сообщения о преступлении, законодатель определил сроки проведения проверочных мероприятий. Примечательно, что первоначально стандартный срок проверки сообщения о преступлении, равный трём суткам, можно было продлять до десяти суток. Путём внесения последующих изменений в ст. 144 УПК РФ, законодатель счёл необходимым расширить возможные временные рамки этапа проверки

сообщения о преступлении, реализовав нормативную возможность продления указанного выше срока максимум до 30 суток, при условии обоснования необходимости такого продления соответствующими фактическими обстоятельствами (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

При этом, законодатель сразу оговаривает, что необходимость продления срока проведения проверки сообщения о преступлении до 30 суток обуславливается, в первую очередь, необходимостью производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом, подобная обусловленность продления срока проверки до 10 суток не требуется, хотя ходатайство следователя должно быть, безусловно, мотивированным.

Как отмечается отдельными специалистами, «к числу современных тенденций правового регулирования уголовно-процессуального производства в стадии возбуждения уголовного дела необходимо отнести расширение временных границ предварительной проверки в случаях, когда проводящим ее органам и должностным лицам необходимо привлечение указанных в УПК РФ сторонних сил, средств и непроцессуальных информационных источников» [20, с. 30].

Таким образом, в течение нормативного срока проверки сообщения о преступлении, следователь осуществляет по своему усмотрению те проверочные действия, которые перечислены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Итогом применения предусмотренных законом способов проверки сообщения о преступлении должно явиться установление признаков преступления (либо их отсутствия), что представляется необходимым для вынесения обоснованного процессуального решения о возбуждении, или об отказе в возбуждении уголовного дела.

В п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ закреплено полномочие следователя «принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности».

Данное положение также нуждается в систематическом толковании в комплексе с иными положениями действующего УПК РФ. В ч. 2 ст. 149 УПК РФ, обозначено, что после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, следователь приступает к производству предварительного следствия.

При этом, в данной норме ничего не сказано о вынесении следователем отдельного постановления о принятии дела к своему производству, однако по смыслу ч. 1 ст. 156 УПК РФ в постановлении о возбуждении уголовного дела следователь указывает «о принятии им уголовного дела к своему производству».

Кроме того, в ч. 2 ст. 156 УПК РФ содержится указание на то, что если следователю поручается производство по уголовному делу, которое уже возбуждено, то в таком случае, следователь выносит постановление о принятии данного уголовного дела к своему производству, копия которого должна быть направлена прокурору в течение суток с момента вынесения.

Это вполне логично, ведь в данном случае в постановлении о возбуждении уголовного дела фигурирует другой следователь, с учётом того, что руководитель следственного органа вправе изъять уголовное дело у одного следователя и передать для производства его предварительного расследования другому следователю, в рамках правомочия, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ.

Что же касается определение подследственности, то оно осуществляется с учётом положений ст. 151 УПК РФ.

В п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ закреплено полномочие следователя «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа».

В данном полномочии содержится указание на процессуальную самостоятельность следователя, о чём достаточно много говорится в научных публикациях, посвящённых процессуальному положению следователя.

Необходимо отметить, что традиционно отличительной чертой процессуальной фигуры следователя была его самостоятельность. И.Я. Фойницкий писал: «Нормальным органом производства предварительного следствия является судебный следователь. По служебному положению он приравнивается к членам окружного суда, имеет определенный круг ведомства и власти как по пространству, так и по роду дел» [64, с. 131].

Поэтому верно замечание А.П. Кругликова о том, что «предварительное следствие производит не следственный отдел (следственное управление, следственное отделение, следственная часть), а конкретный следователь, и именно он является органом предварительного следствия.

И прокурор в соответствии с ч.1 ст. 37 УПК РФ осуществляет надзор «за процессуальной деятельностью» не следственных отделов (управлений, отделений, частей), а органов предварительного следствия в лице определенных следователей, которые и производят процессуальные действия: допросы, обыски, выемки, привлекают лиц в качестве обвиняемых, избирают меры пресечения и др. [30, с. 44]

Ряд учёных-процессуалистов процессуальную самостоятельностью следователя понимают как его правовое положение, состоящее в том, что следователь самостоятельно, по личной инициативе, основываясь только на своём внутреннем убеждении, анализе имеющейся информации и в строгом соблюдении уголовно-процессуального закона, производит действия по осуществлению всего предварительного следствия и производства отдельных следственных действий, за исключением случаев, когда законом предусматривается решение суда или согласие руководителя [50].

Другими словами, следователь свободен в принятии процессуальных решений всегда, кроме случаев, когда соответствующее решение следователя нуждается в согласовании иным субъектом процессуальной деятельности.

Проблемы процессуальной самостоятельности следователя, с учётом многочисленных критических суждений, существующих по данному поводу в науке, представляется целесообразным рассмотреть далее – в контексте взаимодействия следователя с субъектами уголовного судопроизводства, осуществляющими контроль за его деятельностью.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь обладает полномочием «давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении».

В контексте реализации данного полномочия следователя в науке говорят об институте «отдельного поручения», которое выступает «основным способом взаимодействия лица, ведущего производство по уголовному делу, с иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, уполномоченными производить следственные и (или) оперативно-розыскные (розыскные) действия, но не имеющими отношения к производству по конкретному делу» [32, с. 105].

Анализируемый институт является способом делегирования следователем полномочий по производству конкретных следственных и иных процессуальных действий в рамках производства расследования по конкретному уголовному делу. Кроме того, предусмотренная в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ процессуальная возможность может рассматриваться в качестве одного из эффективных способов обеспечения надлежащего хода предварительного расследования по уголовному делу.

Содержательная сторона такого поручения обозначена непосредственно в вышеназванном п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. При этом, перечень тех поручений, которые следователь вправе давать органу дознания, не ограничивается

приведёнными примерами, так как законодатель оставляет данный перечень открытым.

Что касается дачи поручений, связанных с производством оперативно-розыскных мероприятий, то в науке считают, что «давая органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, следователь не должен указывать в нем, какие именно оперативно-розыскные мероприятия следует осуществить при выполнении его поручения» [29, с. 92].

Думается, что именно такой подход является самым оптимальным. В своем поручении следователю целесообразно указать лишь на получение тех сведений, которые ему необходимы для эффективного расследования данного уголовного дела, но какие именно для этого следует провести ОРМ, предусмотренные Федеральным законом от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [60], оперативный сотрудник органа дознания вполне может определить самостоятельно, руководствуясь обширным практическим опытом в данном направлении.

В п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ законодатель также не конкретизирует, какие именно следственные действия возможно поручить произвести органу дознания. Представляется, что в этом вопросе следователь также может проявить свою самостоятельность, определяя, какое именно следственное действие целесообразно делегировать в плане производства органу дознания.

Есть мнение, что те следственные действия, «которые направлены на проверку доказательств, такие как следственный эксперимент и проверка показаний на месте, следователь должен производить лично» [8, с. 36].

Посредством отдельного поручения, следователь может как делегировать производство соответствующего процессуального действия органу дознания полностью, так и просто получить содействие со стороны органа дознания в производимых процессуальных действиях непосредственно следователем.

Например, следователь, самостоятельно производя обыск в соответствии со ст. 182 УПК РФ, вправе получить содействие органа дознания в обеспечении порядка в месте производства обыска. В частности, орган дознания может обеспечить реализацию запрета следователя, адресованного лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска (ч. 8 ст. 182 УПК РФ).

Как полагает В.М. Быков, «содействие со стороны органов дознания может выражаться в предоставлении следователю служебных помещений на время производства следственных действий, в необходимых случаях транспорта и охраны, криминалистической и оперативной техники, средств связи и множительной техники и др.» [8, с. 37].

Дача обязательных для исполнения поручений имеет исключительно письменную форму (о чём прямо сказано в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Это представляется значимым «с позиции четкого установления пределов компетенции органа, которому оно адресуется. В частности, если отдельное поручение касается производства конкретного следственного действия, то соответствующее лицо становится в положение надлежащего субъекта доказывания обстоятельств, установленных в ходе производства данного следственного действия» [32, с. 106] – как указывается специалистами.

Некоторые авторы [18] в анализируемом нами контексте, задаются вопросом об определении пределов усмотрения следователя – в каких ситуациях дача письменного поручения будет оправданной, а в каком случае может расцениваться, как злоупотребление своими полномочиями?

Как указывает А.В. Зеликов, «сотрудники следственных подразделений в отдельных случаях злоупотребляют своими полномочиями и поручают органам дознания выполнение таких действий, которые вполне могут осуществить сами. А когда следователь перекладывает свои обязанности на органы, это, естественно, вызывает негативное отношение со стороны последних и ведет к конфликтным ситуациям на практике» [21, с. 87].

В частности, как оценивать дачу письменного поручения органу дознания со стороны следователя в ситуации, когда у следователя есть реальная возможность произвести то, или иное следственное действие лично?

Иначе говоря, речь идет о ситуациях, когда отдельное поручение является способом делегирования полномочий по производству следственных и иных процессуальных действий.

УПК РФ не содержит однозначного ответа на данный вопрос. Представляется, что необходимость в использовании анализируемого полномочия следователя носит оценочный характер и зависит от усмотрения следователя, основанного на конкретных обстоятельствах.

В частности, такая необходимость может быть обусловлена тактическим ходом, реализуемым следователем, при котором целесообразно производство конкретного следственного действия одновременно – в нескольких местах. Например, единовременный обыск по месту жительства нескольких обвиняемых, проходящих по делу.

Как верно отмечается некоторыми специалистами, «при толковании положений уголовно-процессуального закона следует не только исходить из буквы закона, но и учитывать всю совокупность обстоятельств, имеющих значение в рамках производства по конкретному уголовному делу. Однако при любых обстоятельствах делегирование лицом, ведущим производство по делу, другому должностному лицу части своих полномочий путем направления отдельного поручения на производство следственного действия должно быть обоснованным и объясняться исключительной физической невозможностью или затруднительностью совершения следственного действия самим следователем» [15, с. 50].

Важно заметить, что в рамках поручения, следователь не вправе делегировать органу дознания принятие процессуальных решений по расследуемому делу.

В рамках полномочия, предусмотренного п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь вправе обжаловать с согласия руководителя следственного органа

в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

То есть, данное полномочие связано исключительно с обжалованием властных решений прокурора в отношении результатов работы следователя.

Если говорить об общем смысле данного полномочия, то он состоит в том, что следователь наделяется процессуальной возможностью в предусмотренных законодателем ситуациях выразить своё несогласие с правовой позицией прокурора по делу, которое находится в производстве следователя.

Как отмечает Б.Т. Безлепкин, «с согласия своего непосредственного начальника - руководителя следственного органа следователь вправе обжаловать вышестоящему прокурору наиболее важные, имеющие определяющее значение для судьбы уголовного дела процессуальные решения прокурора, осуществляющего надзор за досудебным производством по данному уголовному делу» [6, с. 29].

Тот ряд процессуальных решений прокурора, полномочием обжалования которых наделён следователь в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ является исчерпывающим расширительному толкованию не подлежит.

Обжалование следователем указанных решений прокурора приостанавливает их исполнение до рассмотрения жалобы вышестоящим прокурором (ч. 5 ст. 221 УПК РФ), а решение данного прокурора может быть, в свою очередь, обжаловано вышестоящему прокурору, то есть – Генеральному прокурору РФ, процессуальная позиция которого будет иметь окончательный характер.

Важно отметить, что проанализированный нами перечень полномочий следователя, предусмотренный ч. 2 ст. 38 УПК РФ не является

исчерпывающим, поскольку в п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ законодатель подчеркивает, что следователь вправе «осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом». Таким образом, законодатель делает отсылку ко всем остальным положениям действующего УПК РФ, упоминающим следователя, относительно реализации им его властных полномочий.

Далее целесообразно перейти к рассмотрению специфики взаимоотношений следователя с субъектами уголовного судопроизводства, осуществляющими контроль за его деятельностью.

2.3 Взаимоотношения следователя с субъектами уголовного судопроизводства, осуществляющими контроль за его деятельностью

В положениях УПК РФ законодатель говорит о процессуальной самостоятельности следователя и его персональной ответственности за результаты расследования, что должно выступать одной из процессуальных гарантий законности и обоснованности его действий и решений в ходе производства по уголовному делу.

Однако, многие авторы в своих публикациях акцентируют своё внимание на наличии проблем, связанных с обеспечением процессуальной самостоятельности и независимости следователя на практике, несмотря на их провозглашение в законе.

По мнению некоторых ученых, произошедшие в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 г. №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [59] и в последующем «изменения полномочий руководителя следственного органа и прокурора, продиктованные, как заявлялось, заботой о совершенствовании правовых механизмов, обеспечивающих процессуальную самостоятельность

следователя, привели к тому, что следователь стал еще более зависим от своего непосредственного руководителя, чем это было ранее» [26, с. 81].

В этом отношении особенно показательны противоречия между ст. 38 УПК РФ, закрепляющей процессуальную самостоятельность следователя, и ст. 39 УПК РФ, регламентирующей полномочия руководителя следственного органа, которая практически полностью упраздняет процессуальную самостоятельность первого.

Федеральный закон от 02.12.2008 г. №226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [57] продолжил наметившуюся тенденцию, связанную со значительным «урезанием» процессуальной самостоятельности следователя, поскольку в УПК РФ были внесены дополнительные полномочия такого участника уголовного судопроизводства, как руководитель следственного органа, среди которых:

- возбуждение уголовного дела;
- непосредственное рассмотрение сообщений о преступлениях и участие в их проверке;
- проведение допроса подозреваемого (обвиняемого) без принятия к своему производству уголовного дела при решении вопроса о даче следователю согласия на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуальных действий.

Возможность руководителя следственного органа осуществить допрос лица, на которое направлено уголовное преследование, подвергается повышенной критике в ряде публикаций.

По мнению В.А. Семенцова «введенное законодателем процедурное правило не только неоправданно усложняет порядок производства предварительного следствия, но и в очередной раз ставит под сомнение продекларированную уголовно-процессуальным законом процессуальную самостоятельность следователя» [42, с. 364].

Действительно, в связи с чем именно законодатель наделяет руководителя следственного органа данным полномочием, если

непосредственно следователь несет личную ответственность за ход и результаты расследования преступления, обладая всей полнотой полномочий по осуществлению предварительного следствия в контексте его процессуальной самостоятельности?

В настоящее время в соответствии с законодательством следователь не вправе без согласования с руководителем следственного органа принять решение:

- о прекращении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- об обжаловании решения прокурора, с которым он не согласен (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- о направлении прокурору дела с обвинительным заключением (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- возбуждении перед судом ходатайства о даче согласия на проведение следственных действий (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения с обвиняемым, выразившим согласие о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ);
- возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

В ходе реформирования норм, посвящённых взаимодействию следователя с иными участниками производства по делу, обладающими властными полномочиями, следователь, несмотря на провозглашаемую в УПК РФ его процессуальную самостоятельность, стал во многом зависимым субъектом.

Руководитель следственного органа, сочетая в своём «арсенале» как процессуальные, так и организационно-распорядительные полномочия, стал выступать по отношению к следователю в качестве участника уголовного судопроизводства, обладающего всей полнотой руководящих полномочий, несмотря на то, что в соответствии с Концепцией судебной реформы 1991 г.

[39] именно следователь должен являться центральной фигурой расследования, независимой в своих решениях.

Однако, это лишь один из ограничивающих процессуальную самостоятельность следователя аспектов. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что самостоятельность следователя ограничивается и со стороны прокурора, как участника уголовного судопроизводства, реализующего в ходе расследования уголовного дела надзорные полномочия, распространяющиеся на следователя.

Нахождение в фактически подчинённом положении, как относительно руководителя следственного органа, так и относительно прокурора, минимизирует возможность принятия следователем процессуальных решений, основанных на внутреннем убеждении.

Также некоторыми авторами негативно оценивается предусмотренная законом регламентация судебного контроля за действиями и решениями следователя.

По мнению А.В. Бабича, «его чрезмерность не может отвечать публичным интересам, поскольку создает препятствия для должной реализации процессуальной самостоятельности следователя, не может обеспечить необходимый баланс между соблюдением законных прав участников предварительного расследования, с одной стороны, и эффективностью самого расследования - с другой» [3, с. 11].

В связи с этим нельзя не отметить, что ряд норм УПК РФ на практике приводит к существенному контролю за процессуальной деятельностью следователя. Речь идет о принятии следователем решений о производстве следственных и иных процессуальных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности, которые санкционируются судом, который, в свою очередь, выступает гарантом обоснованности такого рода правоограничений.

Однако, прежде, чем данная инициатива следователя будет рассмотрена судом, соответствующее ходатайство должно получить одобрение со стороны руководителя следственного органа.

Как замечает В.А. Семенцов, «вполне достаточно было бы судебной процедуры получения разрешения следователем на производство процессуальных действий, затрагивающих права и свободы личности, которая предусмотрена уголовно-процессуальным законом, без получения согласия на это руководителя следственного органа» [42, с. 362].

По правомерному выводу указанного автора, «содержание задач предварительного следствия и совокупность властных полномочий следователя позволяют с уверенностью утверждать, что ему, с учетом персональной ответственности за результаты расследования, не требуется согласование с руководителем следственного органа процессуальных действий, производимых на основании судебного решения, поскольку двойной контроль неоправданно усложняет процедурные правила производства, существенно затрагивая его независимость и процессуальную самостоятельность» [42, с. 363].

Вызывает вопросы также следующий аспект нормативного регулирования: следователь вправе обратиться в суд с ходатайством об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, только с согласия руководителя следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Получается, что именно руководитель следственного органа ознакомлен в самом полном объеме с данным ходатайством, однако не ему, а прокурору вменена обязанность принимать участие в судебных заседаниях, рассматривающих указанные ходатайства (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Прокурор, во многом, владеет гораздо меньшим, по сравнению со следователем и руководителем следственного органа, объемом информации по конкретному уголовному делу, что побуждает его привлекать следователя

к участию в судебном заседании «нередко заменяя прокурора, который не всегда способен с полным знанием дела обосновать ходатайство» [49].

В результате, как отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, «на следователя вместе с непосредственным расследованием уголовного дела ложится дополнительная нагрузка по участию в судебном заседании со стороны обвинения, что вряд ли является обоснованным и целесообразным» [49].

В данном случае логичнее и эффективнее было бы закрепление в законе положений о согласовании ходатайств следователя об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, не с руководителем следственного органа, а с прокурором, позиция которого при участии в судебном заседании по рассмотрению указанных ходатайств была бы основана на его внутреннем убеждении.

Кроме этого, согласие руководителя следственного органа должно быть получено следователем и в иных указанных в законе случаях. К таким случаям относятся:

- прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ);
- прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ);
- прекращение уголовного дела по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ);
- прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ);
- продление срока предварительного следствия либо установление дополнительного срока следствия (ст. 162 УПК РФ);
- сохранение в тайне данных о личности участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

- направление прокурору обвинительного заключения, подписанного следователем (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- обжалование следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения (либо квалификации действий обвиняемых) или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (ч. 4 ст. 221 УПК РФ);
- направление прокурору мотивированного постановления следователя о возбуждении ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ).

Необходимо отметить, что практически во всех перечисленных случаях законодателем употребляется формулировка «следователь вправе», но одновременно следует ограничение - «с согласия руководителя следственного органа».

Число согласований разного рода процессуальных решений с руководителем следственного органа весьма велико, что, судя по всему, обуславливается стремлением законодателя создать процессуальные гарантии законности действий следователя, обеспечив это усилением внутриведомственного контроля за комплексом действий и решений следователя.

В результате, весь комплекс значимых для итогов предварительного следствия процессуальных решений следователя требует согласования руководителя следственного органа, а после – судебного санкционирования.

В связи с этим представляется справедливым вывод С.Д. Игнатова о том, что, «по сути, следователя можно считать руководителем процесса расследования лишь до тех пор, пока принятые им решения по уголовному делу не будут изменены руководителем следственного органа.

В результате процессуальная роль следователя при законодательно закрепленной коррекции его действий руководителем следственного органа,

судом и прокурором сводится к простому техническому оформлению принятых указанными должностными лицами решений» [22, с. 106].

В данных условиях говорить о полноценной процессуальной самостоятельности следователя довольно сложно.

Некоторые учёные, как например В.М. Корнуков, считают, что «многих следователей — это положение устраивает, поскольку оно безответственное. За что отвечает следователь? Формально – за все. По общей норме – фактически ни за что» [28].

Приведенное суждение вряд ли справедливо по отношению ко всем следователям, но, видимо, у его автора есть основания для подобной оценки.

Тем не менее, в науке есть и иные мнения. В частности, отдельные авторы полагают, что согласование ходатайств руководителем следственного органа с одной стороны, и прокурорский надзор за деятельностью следователя с другой стороны, не влияют негативным образом на процессуальную самостоятельность следователя, который должен лишь следовать в своей деятельности «букве закона».

Заслуживает внимания позиция П.Г. Марфицина и А.А. Пронина, по мнению которых «в рамках процессуальной деятельности о полной независимости субъекта говорить достаточно сложно и следует учитывать многие факторы как объективного, так и субъективного характера, влияющие на принимаемые следователем решения.

В частности, в первом случае следователь ориентируется не только на положения закона и обстоятельства отдельной криминальной ситуации, но и на поведение участников производства по уголовному делу, заявляемые ими ходатайства и жалобы, на складывающуюся правоприменительную практику, статистические показатели работы, общественное мнение и многое другое. Оградить следователя от такой объективно возникающей зависимости практически невозможно» [35, с. 242].

Анализ практики, проведенный Х.Б. Бегиевым, показывает, что «далеко не все следователи сразу, с первых же дней работы в следственных органах,

способны самостоятельно и качественно проводить расследование по уголовным делам.

Напротив, регулярные отчеты о проделанной работе руководителю следственного органа и получение от него указаний о направлении хода расследования во многих случаях позволяют следователям избежать процессуальных нарушений и способствуют получению ими необходимого опыта следственной работы. В то же время негативной стороной подобного контроля может стать привыкание следователя к такому порядку профессиональной деятельности и, как следствие, может привести к его процессуальному иждивенству» [5, с. 53].

И.В. Ткачев также выражает озабоченность по поводу положения следователя, указывая на то, что «вследствие практически полной зависимости следователя от руководителя следственного органа может стать привычной ситуация, когда следователь при принятии решений будет руководствоваться не своим внутренним убеждением и законом, а мнением начальника» [51, с. 25].

Уголовно-процессуальный закон не только обязывает следователя в ходе производства по уголовному делу самостоятельно:

- определять направление расследования;
- принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, руководствуясь при этом исключительно законом и внутренним убеждением;
- нести полную личную ответственность за законность и обоснованность принимаемых им процессуальных решений
- выполнять эту обязанность эффективно.

Но только при наличии реальной процессуальной самостоятельности можно говорить о ведущей роли следователя в ходе производства по уголовным делам.

Принятый Государственной Думой 22 ноября 2001 года новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации сохранил

ведомственную принадлежность следователей, а также неравнозначное процессуальное положение следователей различных ведомств. Так, за следователями органов внутренних дел и федеральной службы безопасности, кроме прокурорского надзора, осуществляется еще и процессуальный контроль со стороны начальников следственных отделов, что, безусловно, сказывается на их процессуальной самостоятельности. Тем более, что новый УПК РФ предусматривает значительное расширение объема процессуальных полномочий руководителей следственных подразделений и, соответственно, некоторое сужение полномочий подчиненных им следователей.

Представляется, что любое необоснованное ограничение процессуальной самостоятельности следователя может повлечет снижение его инициативы при расследовании уголовных дел и создать препятствия своевременному производству необходимых следственных и процессуальных действий.

Р.В. Мазюк считает, что «наделение следователя процессуальной самостоятельностью – это необходимое условие надлежащего обеспечения своевременного и законного производства по уголовному делу. Следователь должен осуществлять производство предварительного следствия по уголовному делу в условиях должной процессуальной самостоятельности, гарантированной УПК РФ, без необоснованного воздействия со стороны руководителя следственного органа, прокурора, иных должностных лиц органов государственной власти» [34, с. 81].

В связи с этим следует поддержать С.В. Корнакову, полагающую, что «совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно идти по пути сокращения до разумных пределов решений следователя, требующих какого-либо согласования.

Как компетентное должностное лицо, наделенное властными полномочиями, следователь должен быть независимым и самостоятельным в своих решениях и процессуальных действиях, при этом его основной обязанностью является обязанность действовать в строгих рамках уголовно-

процессуального законодательства, не превышая своих полномочий и не злоупотребляя ими» [25, с. 121].

Таким образом, можно констатировать, что нормативно, следователь наделён процессуальной самостоятельностью, которая ограничивается комплексом властных полномочий руководителя следственного органа, прокурора и суда в досудебном производстве по делу.

Задача законодателя – обеспечить такой баланс самостоятельности в данных уголовно-процессуальных отношениях, который позволит следователю, с одной стороны, полноценно и эффективно расследовать уголовные дела, не подвергаясь давлению со стороны иных должностных лиц, а с другой стороны создаст разумные гарантии отсутствия в его деятельности произвола, поскольку именно бесконтрольность может создавать предпосылки разного рода злоупотреблений, что недопустимо в правовом государстве.

Думается, что федеральному законодателю ещё предстоит некоторая нормативная корректировка существующего процессуального регулирования в данном направлении, с учётом обоснованных рекомендаций учёных, высказываемых на страницах многочисленных публикаций по анализируемой проблематике.

Глава 3 Проблемы реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве

3.1 Проблемы реализации полномочий следователя при производстве следственных действий

Основным и важнейшим содержанием деятельности следователя, в контексте осуществления предварительного следствия, является участие в доказывании – а именно собирании, проверке и оценке доказательств.

Основным (хотя и не единственным) способом собирания и проверки доказательств по уголовному делу является производство широкого спектра следственных действий, предусмотренных законодателем в главах с 24 по 27 УПК РФ. По этой причине, проблематика, связанная с реализацией полномочий следователя при производстве следственных действий так важна.

Осуществляя производство любого следственного действия, следователю необходимо в полной мере следовать всем нормативным предписаниям, содержащимся в УПК РФ, поскольку допущенные следователем нарушения повлекут признание полученных в результате производства следственного действия доказательств недопустимыми.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ: «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса».

При этом, законодатель не разделяет допущенные процессуальные нарушения на «существенные» и «не существенные», что обуславливает необходимость точного следования всем обозначенным законодателем требованиям.

Следует отметить, что помимо требований, связанных с производством конкретных следственных действий, УПК РФ в главе 22 содержит требования

общего характера, распространяемые на производство широкого спектра следственных действий.

В частности, в ч. 3 ст. 164 УПК РФ, посвящённой общим правилам производства следственных действий, законодатель указывает, что «производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства».

Ночным временем считается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени.

Как отмечается специалистами, «данная норма применяется с учетом обстоятельств конкретного дела, носит гарантийный характер, направлена на обеспечение прав граждан в сфере уголовного судопроизводства» [38].

Каким образом следователю, планирующему производство следственного действия, необходимо толковать случаи, не терпящие отлагательства.

«Оценка ситуации с этой точки зрения в каждом конкретном случае производится тем должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, под свою личную ответственность, исходя исключительно из интересов дела и остроты самого следственного действия. Так, например, безотлагательный ночной осмотр места происшествия – явление, широко распространенное в следственной практике» [7] – пишет в своей работе Б.Т. Безлепкин.

«К случаям, не терпящим отлагательства, следует относить необходимость осмотра места происшествия, неотложного производства обыска и иных следственных действий, промедление с производством которых может повлечь невозможную утрату или искажения доказательственной информации по естественным причинам или в результате направленных на то умышленных действий заинтересованных в определенном исходе дела лиц» [4, с. 15] – считают О.Я. Баев и Д.А. Солодов.

Думается, что к случаям, не терпящим отлагательства, также вполне можно отнести ситуации, при которых «промедление создаст угрозу

наступления отрицательных последствий, утраты доказательств, продолжения преступных действий, укрытия преступников и т.д.» [19].

В ч. 4 ст. 164 УПК РФ законодатель называет ещё несколько запретов, которые распространяются на производство следователем любого следственного действия: «При производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

Следует отметить, что запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер при производстве следственных действий является одной из важнейших гарантий защиты интересов личности, вовлечённой в уголовно-процессуальную деятельность. Нарушение этого императивного требования следователем, оценивается законодателем как преступное деяние, предусмотренное ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации [55] (УК РФ).

Далее уделим внимание некоторым проблемам, связанным с производством следователем отдельных следственных действий.

С рядом проблем сопряжено производство следователем такого следственного действия, как освидетельствование (ст. 179 УПК РФ).

В ч. 4 ст. 179 УПК РФ обозначен особый порядок производства данного следственного действия следователем, если оно сопровождается обнажением лица: при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, а само освидетельствование производится врачом.

В данном контексте нуждается в анализе понятие «обнажение», поскольку его толкование остаётся открытым.

В науке высказывается следующая позиция: «освидетельствование следует признавать сопровождающимся обнажением, когда об этом свидетельствуют общепризнанные нормы морали (обнажение ягодиц, половых органов, иных интимных частей тела), а также в иных ситуациях, когда освидетельствуются части тела, обычно прикрытые одеждой, если

освидетельствуемое лицо расценивает это как обнажение (обнажение частей спины, предплечий, бёдер и др.)» [14, с. 40].

Данная точка зрения видится правильной. При этом, как отмечается отдельными авторами, «на практике принят следующий критерий обнажения. Он зависит от того, в какой одежде явилось освидетельствуемое лицо. Например, если мужчина пришел в рубашке с короткими рукавами или девушка в мини-юбке, то осмотр видимой части рук или ног (ссадины, царапины, родимые пятна и т.п.) обнажением не является и вполне допустим. Если требуется хотя бы чуть-чуть приподнять рукав или брючину, то это уже будет обнажением. Тем более обнажением является снятие любой одежды, кроме верхней» [53].

Данный способ позволяет достаточно легко разграничить на практике ситуации, требующие от следователя производить освидетельствование по правилам, предусмотренным ч. 4 ст. 179 УПК РФ и не требующие соблюдения данных предписаний.

Тем не менее, данный критерий в действующем законе каким-то образом необходимо обозначить, поскольку в данный момент толкование рассматриваемого критерия относится исключительно на усмотрение правоприменителя. Представляется, что следователю необходимо чёткое понимание данного критерия.

Возможным вариантом решения данной проблемы может быть внесение изменения в ч. 4 ст. 179 УПК РФ следующего содержания: «4. При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица, которое состоит в осмотре частей тела освидетельствуемого, закрытых его одеждой. В этом случае освидетельствование производится врачом».

В отдельных уточнениях также нуждается толкование положений ст. 181 УПК РФ, посвящённой производству следственного эксперимента.

Следует обратить внимание на наличие в ст. 181 УПК РФ положения, в соответствии с которым «производство следственного эксперимента

допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц».

Данное указание является конкретизацией более общего предписания ч. 4 ст. 164 УПК РФ, относящейся к производству любого следственного действия, о недопустимости создания опасности для жизни и здоровья участвующих в производстве следственного действия лиц.

Таким образом, следователю, планирующему следственный эксперимент, необходимо уделить должное внимание тщательному анализу наличия потенциальных опасностей, сопряжённых с производством данного следственного действия. Представляется недопустимым создание опасности для здоровья участвующих в следственном эксперименте лиц посредством тех эмпирических действий, выбор которых обуславливается задачами производства конкретного следственного эксперимента. Помимо этого, сама обстановка места производства данного следственного действия не должна представлять угрозу жизни и здоровью участников следственного эксперимента (угроза обрушения конструкций ветхого здания, сооружения и т.д.)

Принятый Государственной Думой 22 ноября 2001 года новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации сохранил ведомственную принадлежность следователей, а также неравнозначное процессуальное положение следователей различных ведомств. Так, за следователями органов внутренних дел и федеральной службы безопасности, кроме прокурорского надзора, осуществляется еще и процессуальный контроль со стороны начальников следственных отделов, что, безусловно, сказывается на их процессуальной самостоятельности. Тем более, что новый УПК РФ предусматривает значительное расширение объема процессуальных полномочий руководителей следственных подразделений и, соответственно, некоторое сужение полномочий подчиненных им следователей.

В соответствии с ч. 1 ст. 183 УПК РФ: «При необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного

дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка».

Данное следственное действие востребовано правоприменительной практикой. В ходе выемки следователь производит изъятие из определенного места и у конкретного лица объектов, которые могут быть использованы в процессе доказывания, что позволяет прийти к выводу о том, что выемка не является разновидностью обыска, а являет собой самостоятельное следственное действие.

Некоторые авторы ставят вопрос о том, могут ли выступать орудия преступлений, разыскиваемые лица и трупы в качестве объектов выемки?

Думается, что орудия преступления могут в полной мере рассматриваться в качестве объекта выемки, а выемка живых лиц и трупов вряд ли возможна, хотя некоторые авторы, теоретически, такую возможность допускают, не усматривая противоречий действующему закону.

Что же касается выемки живых лиц, разыскиваемых в связи с производством по уголовному делу, даже когда становится доподлинно известно о месте их нахождения, объектом рассматриваемого следственного действия они быть не могут, в силу прямого указания в ч. 1 ст. 183 УПК РФ на изъятие лишь предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

С учётом многогранности и многоаспектности системы следственных действий в действующем УПК РФ, представляется необходимым продолжать исследования данных вопросов, а также планомерно совершенствовать нормативное регулирование полномочий следователя в указанном направлении.

3.2 Особенности полномочий следователя при избрании меры пресечения

Возможность применения следователем мер пресечения, предусмотренных главой 13 УПК РФ, к обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления, является одним из важнейших средств обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства.

Меры пресечения, как следует из расположения главы 13 УПК РФ в разделе IV «Меры процессуального принуждения», являются разновидностью мер уголовно-процессуального принуждения. С учётом положений ст. 97 УПК РФ, основной целью применения мер пресечения является обеспечение такого поведения обвиняемого (подозреваемого), которое не будет создавать препятствий производству по уголовному делу. Кроме того, обоснованное применение меры пресечения препятствует осуществлению возможной преступной деятельности со стороны обвиняемого (подозреваемого), а также может способствовать обеспечению исполнения приговора.

Такое желаемое государством поведение обвиняемого (подозреваемого) законодатель характеризует оборотом «надлежащее поведение» - этот оборот неоднократно используется законодателем в рамках главы 13 УПК РФ, но его нормативное толкование в тексте закона отсутствует.

Исходя из анализа соответствующих законоположений, можно прийти к выводу о том, что надлежащим поведением лица, к которому применена мера пресечения, будет такое поведение обвиняемого (подозреваемого), которое исключает попытки скрыться от органов расследования и суда, препятствовать производству по уголовному делу, а также заниматься преступной деятельностью.

Является ли применение одной из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, к обвиняемому (подозреваемому) – обязанностью следователя, которую он должен реализовать в отношении любого лица, на которое

направлено уголовное преследование, по каждому уголовному делу, находящемуся в производстве?

Анализ положений главы 13 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что применение меры пресечения является правомочием следователя, которое он может реализовать лишь тогда, когда в этом есть необходимость – при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

«Фактические данные, на которых базируется соответствующий вывод, должны быть установлены достоверно, бесспорно, однако сам вывод о возможности наступления определенных фактов, с которыми закон связывает применение мер процессуального принуждения, при этом не всегда становится достоверным» [27, с. 70] – пишет в этой связи В.М. Корнуков.

Если такого рода «достаточных оснований полагать» нет, то и нет процессуальной обоснованности применения меры пресечения. В данном случае, как представляется, следователь может ограничиться применением иной меры процессуального принуждения в виде обязательства о явке.

Если основания для применения меры пресечения есть, то перед следователем встаёт вопрос выбора конкретной меры пресечения из системы мер, предусмотренных в УПК РФ. Для того, чтобы выбор следователя был оптимальным, ему необходимо ориентироваться на обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, о которых законодатель говорит в положениях ст. 99 УПК РФ: «тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

Перечень таких обстоятельств является открытым, что является совершенно верным, так как позволяет следователю иметь достаточную свободу, относительно учёта всего комплекса фактических данных, которым он обладает.

К числу других обстоятельств можно относить широкий спектр обстоятельств, которые могут прямо, или косвенно способствовать выводу о возможности обеспечения должного поведения лица, посредством применения конкретной меры пресечения.

Как верно отмечает С.И. Вершинина, «чем внимательнее и глубже следователь будет вникать в сущность расследуемого дела, тем меньше вероятность ошибки при избрании меры пресечения» [10, с. 8].

Об избрании меры пресечения следователь выносит постановление, которое следует рассматривать в виде юридического основания для применения меры пресечения.

Важно отметить, что далеко не все меры пресечения следователь вправе применить к обвиняемому или подозреваемому своим властным решением – наиболее строгие меры пресечения, связанные с ограничением конституционных прав и свобод личности, применяются только на основании судебного решения. Соответствующее ходатайство, как уже отмечалось выше, инициируется следователем (и оно согласовывается руководителем следственного органа), однако властное решение исходит от суда, который выступает гарантом того, что применение достаточно строгой меры пресечения в конкретной ситуации является обоснованным.

К числу мер пресечения, законодатель относит следующие меры:

- подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ);
- личное поручительство (ст. 103 УПК РФ);
- наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ);
- присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ);
- запрет определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ);

- залог (ст. 106 УПК РФ);
- домашний арест (ст. 107 УПК РФ);
- заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ).

При этом, применение запрета определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ), залога (ст. 106 УПК РФ), домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) и заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ) относится к исключительной компетенции суда.

Соответственно, те меры пресечения, которые могут применяться следователем по собственному решению расположены в ст. 102-105 УПК РФ. Из них меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым могут применяться только к специальному субъекту – в первом случае, это военнослужащий, или гражданин, проходящий военные сборы, а во втором случае – это несовершеннолетний в возрасте от 14 и до 18 лет.

Таким образом, только две меры пресечения из числа тех, что могут применяться следователем без судебного санкционирования, могут рассматриваться как меры универсального характера, ориентированные на самый широкий круг подозреваемых и обвиняемых – это подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) и личное поручительство (ст. 103 УПК РФ).

Данные меры пресечения «являются универсальными для обеспечения надлежащего поведения подозреваемых (обвиняемых) в тех случаях, когда нет оснований предполагать активное противодействие расследованию с их стороны» [9, с. 25] – указывают в литературе.

Задача следователя, избирающего меру пресечения при наличии основания для этого, состоит в выборе такой оптимальной для конкретного обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения, которая бы обеспечивала его надлежащее поведение и, при этом, не создавала для него излишних ограничений.

Так как подписка о невыезде и надлежащем поведении и личное поручительство являются наиболее мягкими, именно с них следователю целесообразно начинать выбор оптимальной для конкретной ситуации и для определённого лица меры, двигаясь при выборе от этих мер – к мерам более жёстким, остановившись в итоге на той, которая способна, с минимально возможным ограничением, достичь результата в виде надлежащего поведения обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления.

В пользу вывода о необходимости экономии репрессии при применении мер пресечения говорит позиция Пленума Верховного Суда РФ, который ориентирует правоприменительную практику на максимально сдержанное применение заключения под стражу: «Рассматривая вопросы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия, суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой, меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон» [40] (п. 3).

Роль следователя в данном контексте сложно переоценить, поскольку именно он максимально полно осведомлён о всех обстоятельствах расследуемого дела, личностных особенностях лица, на которое направлено уголовное преследование и текущей следственной ситуации. Именно от его властного решения зависит сколь суровой будет инициированная мера пресечения.

Стремясь осуществить минимально необходимое правоограничение, следователю, с другой стороны, необходимо применить потенциально действенную и эффективную меру – в противном случае, лицо может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, оказывать неправомерное воздействие на участников уголовного судопроизводства или иным образом препятствовать производству по уголовному делу, чего следователь никак не должен допускать.

Несмотря на достаточную мягкость и гуманность, анализируемые меры пресечения обладают своим потенциалом предупредительного воздействия,

который может быть реализован при наличии соответствующих условий. Поэтому недопустимо считать, что обозначенные меры пресечения, с учётом их мягкости и низкой репрессивности не способны обеспечить надлежащее поведение индивида.

Следуя подобной логике, легко прийти к заблуждению относительно того, что ни одна из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, кроме заключения под стражу, не способна обеспечить желаемый результат в виде удержания лица от нежелательного поведения.

Необходимость судебного санкционирования всех наиболее суровых мер пресечения можно в данном случае рассматривать как предусмотренную законодателем гарантию от необоснованного применения чрезмерного принуждения к подозреваемому или обвиняемому.

Для того, чтобы выбор следователем меры пресечения был оптимальным, следователю необходимо избегать формального подхода, не имеющего под собой опоры на объективные, конкретизированные данные, в выборе соответствующей меры пресечения, учитывая максимально возможный спектр находящихся в распоряжении сведений.

Только в этом случае можно предотвратить как применения чрезмерно мягкой и слабоэффективной в конкретной ситуации меры, так и меры, способной необоснованно жёстко ограничить права и свободы личности, вовлечённой в сферу уголовно-процессуальной деятельности.

Заключение

В заключении дипломной работы, сформулируем общие выводы и предложения, направленные на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего отдельные аспекты деятельности следователя.

Сложившееся в нашей стране в конце двадцатого и начале двадцать первого столетия положение в организации и деятельности следственного аппарата не отвечает потребностям гражданского общества, поскольку не обеспечивает действенной защиты общепризнанных прав и свобод его членов. Результаты работы следователей вызывают серьезные нарекания со стороны граждан, а равно обоснованную критику со стороны средств массовой информации.

Вопросы организации следствия и положения следователей в государстве нашли свое отражение в концепции судебной реформы 1991 года.

Нормативное определение следователя сформулировано законодателем в п. 41 ст. 5 УПК РФ и воспроизведено в ч. 1 ст. 38 УПК РФ.

При этом, «следователь», о котором идёт речь непосредственно в ст. 38 УПК РФ – это своего рода обобщённая процессуальная роль, без указания ведомственной принадлежности, что обуславливает единство процессуального статуса и правомочий в контексте расследования уголовных дел для следователей любых правоохранительных структур, независимо от ведомственной принадлежности.

Помимо обозначенного, законодатель ввёл в текст УПК РФ понятие «следователь-криминалист», что вызвало критику учёных в связи с тем, что указанный оборот введён в текст УПК РФ не корректно, поскольку законодатель не потрудился упомянуть его в иных, связанных со статусом данного участника уголовного судопроизводства процессуальных нормах – в частности, касающихся производства следственных и иных процессуальных действий.

Кроме того, не конкретизировано распространение процессуального статуса следователя на следователя-криминалиста, а при буквальном толковании получается, что отсутствие указания на следователя-криминалиста в соответствующих уголовно-процессуальных нормах исключает его из числа участников производства тех процессуальных действий, которые в данных нормах регламентированы.

Представляется, что для устранения данной неточности законодателю следует, как минимум, скорректировать п. 41.1 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству, пользуясь при этом процессуальными полномочиями следователя, предусмотренными настоящим Кодексом».

При этом, законодатель вполне мог бы выделить в главе 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» отдельную статью 38.1 УПК РФ «Следователь-криминалист», посвятив её особенностям процессуального положения данного участника, детализировав те ситуации, при которых следователь-криминалист вступает в процесс производства конкретного уголовного дела.

Поскольку назначение уголовного судопроизводства, сформулированное в ст. 6 УПК РФ – есть цель деятельности должностного лица (включая следователя), реализующего свои властные полномочия при производстве по уголовному делу, то средствами достижения данной цели, исходя из направленности деятельности следователя, будут выступать:

- своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела;
- своевременное наделение процессуальным статусом потерпевшего лица, которому преступлением причинён вред;

- осуществление доказывания в ходе производства предварительного следствия.

Относительно процессуальной функции следователя, следует сказать о том, что функция уголовного преследования (обвинения) – далеко не единственная функция следователя. Данный тезис поддерживается довольно большим числом исследователей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с точки зрения принципа состязательности, процессуальной функцией следователя является функция уголовного преследования (обвинения), но с позиций процессуальной сущности той деятельности, что реализуется следователем в досудебном производстве и преследуемой цели, которая состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, его процессуальной функцией является познавательная-исследовательская функция.

Как представляется, базовый комплекс полномочий следователя обозначен законодателем в ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Анализ положений ч. 2 ст. 38 УПК РФ приводит к выводу о том, что обозначенные в соответствующих пунктах полномочия следователя нуждаются в толковании в контексте их взаимосвязи с иными нормами УПК РФ, в рамках которых соответствующее полномочие конкретизируется и детализируется применительно к соответствующим процессуальным ситуациям.

Можно констатировать, что нормативно, следователь наделён процессуальной самостоятельностью, которая ограничивается комплексом властных полномочий руководителя следственного органа, прокурора и суда в досудебном производстве по делу.

Другими словами, следователь свободен в принятии процессуальных решений всегда, кроме случаев, когда соответствующее решение следователя нуждается в согласовании иным субъектом процессуальной деятельности.

Процессуальная самостоятельность следователя и его персональная ответственность за результаты расследования, выступают одной из процессуальных гарантий законности и обоснованности его действий и решений в ходе производства по уголовному делу.

Задача законодателя – обеспечить такой баланс самостоятельности в данных уголовно-процессуальных отношениях, который позволит следователю, с одной стороны, полноценно и эффективно расследовать уголовные дела, не подвергаясь давлению со стороны иных должностных лиц, а с другой стороны создаст разумные гарантии отсутствия в его деятельности произвола.

Думается, что законодателю ещё предстоит некоторая корректировка существующего процессуального регулирования в данном направлении, с учётом обоснованных рекомендаций учёных.

Основным и важнейшим содержанием деятельности следователя, в контексте осуществления предварительного следствия, является участие в доказывании – а именно собирании, проверке и оценке доказательств.

Основным (хотя и не единственным) способом собирания и проверки доказательств по уголовному делу является производство широкого спектра, следственных действий, предусмотренных законодателем в главах с 24 по 27 УПК РФ. По этой причине, проблематика, связанная с реализацией полномочий следователя при производстве следственных действий так важна.

В этой связи, в качестве предложений, направленных на совершенствование процедур производства следователем отдельных следственных действий можно обозначить следующие:

В ч. 4 ст. 179 УПК РФ обозначен особый порядок производства данного следственного действия следователем, если оно сопровождается обнажением лица: при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, а само освидетельствование производится врачом.

Представляется, что следователю необходимо чёткое понимание критерия, при котором обнажение имеет место и возникает необходимость

производить освидетельствование по правилам, предусмотренным ч. 4 ст. 179 УПК РФ.

Возможным вариантом решения данной проблемы может быть внесение изменения в ч. 4 ст. 179 УПК РФ следующего содержания: «4. При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица, которое состоит в осмотре частей тела освидетельствуемого, закрытых его одеждой. В этом случае освидетельствование производится врачом».

В дополнительном толковании также нуждается производство выемки: в частности, могут ли выступать орудия преступлений, разыскиваемые лица и трупы в качестве объектов выемки?

Думается, что орудия преступления могут в полной мере рассматриваться в качестве объекта выемки, а выемка живых лиц и трупов вряд ли возможна, хотя некоторые авторы, теоретически, такую возможность допускают, не усматривая противоречий действующему закону.

Что же касается выемки живых лиц, разыскиваемых в связи с производством по уголовному делу, даже когда становится доподлинно известно о месте их нахождения, объектом рассматриваемого следственного действия они быть не могут, в силу прямого указания в ч. 1 ст. 183 УПК РФ на изъятие лишь предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

С учётом многогранности и многоаспектности системы следственных действий в действующем УПК РФ, представляется необходимым продолжать исследования данных вопросов, а также планомерно совершенствовать нормативное регулирование полномочий следователя в указанном направлении.

Возможность применения следователем мер пресечения, предусмотренных главой 13 УПК РФ, к обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления, является одним из важнейших средств обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства.

Анализ положений главы 13 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что применение меры пресечения является правомочием следователя, которое он может реализовать лишь тогда, когда в этом есть необходимость.

Те меры пресечения, которые могут применяться следователем по собственному решению расположены в ст. 102-105 УПК РФ.

Из них меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым могут применяться только к специальному субъекту – в первом случае, это военнослужащий, или гражданин, проходящий военные сборы, а во втором случае – это несовершеннолетний в возрасте от 14 и до 18 лет.

Таким образом, только две меры пресечения из числа тех, что могут применяться следователем без судебного санкционирования, могут рассматриваться как меры универсального характера, ориентированные на самый широкий круг подозреваемых и обвиняемых – это подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) и личное поручительство (ст. 103 УПК РФ).

Задача следователя, избирающего меру пресечения при наличии основания для этого, состоит в выборе такой оптимальной для конкретного обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения, которая бы обеспечивала его надлежащее поведение и, при этом, не создавала для него излишних ограничений.

Роль следователя в данном контексте сложно переоценить, поскольку именно он максимально полно осведомлён о всех обстоятельствах расследуемого дела, личностных особенностях лица, на которое направлено уголовное преследование и текущей следственной ситуации. Именно от его властного решения зависит сколь суровой будет инициированная мера пресечения.

Для того, чтобы выбор следователем меры пресечения был оптимальным, следователю необходимо избегать формального подхода в

выборе соответствующей меры пресечения, учитывая максимально возможный спектр находящихся в распоряжении сведений.

Только в этом случае можно предотвратить как применения чрезмерно мягкой и слабоэффективной в конкретной ситуации меры, так и меры, способной необоснованно жёстко ограничить права и свободы личности, вовлечённой в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, подводя общий итог проделанной работе, можно констатировать наличие множества теоретических и практических проблем, связанных с реализацией следователем своих полномочий в досудебном производстве, что обуславливает необходимость своевременной корректировки соответствующих процессуальных норм и дальнейших исследований в этом направлении.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алексеева Л.Б. О механизме уголовно-процессуального регулирования // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М., 1979. 205 с.
2. Аширбекова М.Т. Об уголовно-процессуальных функциях следователя // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 81-85.
3. Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. 28 с.
4. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М. : Эксмо, 2009. 350 с.
5. Бегиев Х.Б. Проблемы соотношения процессуальной самостоятельности следователя с процессуальным контролем руководителя следственного органа // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 1. С. 50-55.
6. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М. : Проспект, 2012. 752 с.
7. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. – М.: Проспект, 2018. – 560 с.
8. Быков В.М. Процессуальное обеспечение полномочий следователя с органами дознания: проблемы теории и практики // Российский судья. 2013. № 2. С. 36-40.
9. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: монография. – Уфа, 2003. 281 с.
10. Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения. – Тольятти, 1999. 120 с.

11. Власов Л.А. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: Автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – М., 1979. 220 с.
12. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. - СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. 214 с.
13. Воробьев П.С. Деятельность следователя в предварительном расследовании // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). С. 29-31.
14. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Учебное пособие. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. 187 с.
15. Горяинова Ю.И., Губанова А.Г. Процессуальные проблемы реализации полномочий следователя по уголовным делам // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов II Всероссийской студенческой научно-практической конференции. - Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. С. 50-53.
16. Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. №1. - С. 64-73.
17. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
18. Есина А.С. Каким должно быть содержание отдельного поручения следователя? // Российский следователь. 2002. № 2. С. 25-29.
19. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. – М. : Юстицинформ, 2009. 328 с.
20. Жамкова О.Е. Некоторые проблемы реализации правовых норм при проверке сообщения о преступлении // Российский следователь. 2014. № 9. С. 29-35.
21. Зеликов А.В. Об актуализации взаимодействия органов предварительного расследования с органами дознания в российском судопроизводстве // Закон и право. 2009. № 10. С. 86-91.

22. Игнатов С.Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 101-106.

23. Именной указ Сенату от 08.06.1860 г. «Об отделении следственной части от полиции» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. - СПб., 1862. Т. 35, отд. 1. С. 710-711.

24. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

25. Корнакова С.В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 113-121.

26. Корнакова С.В., Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. – М. : Юрлитинформ, 2015. 200 с.

27. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 1978. 190 с.

28. Корнуков В.М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч. конф., посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого. 11-12 октября 2007 г. СПб., 2007. С. 215-223.

29. Кругликов А. Поручения следователя органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2011. № 4. С. 91-98.

30. Кругликов А.П. Следователь и начальник органа дознания: проблемы правового положения и взаимодействия // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 44-51.

31. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – Л., 1984. 177 с.
32. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. С. - 1278 с.
33. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. – М., 2003. Т. 2. 320 с.
34. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 76-84.
35. Марфицин П.Г., Пронин А.А. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 242-245.
36. Мешков М.В., Гончар В.В. Следователь в уголовном процессе России: понятийно-правовые проблемы // Российский следователь. 2011. № 23. С. 16-20.
37. Мухаметшин Ф.Б., Гумерова Р.Р. Уголовно-процессуальный статус следователя в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 21-29.
38. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. № 1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
39. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2014.

41. Русская Правда // Древнерусское государство и право. Учебное пособие. - М., 1998.

42. Семенцов В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и процессуальное руководство // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Института повышения квалификации Следственного комитета России. – М. : Буки-Веди, 2012. С. 361-365.

43. Серов Д.О. Зарождение и начальный этап развития органов следствия (1713 - 1726 гг.) // 300 лет следственному аппарату России (1713 - 2013 гг.): Сборник статей об истории следственных органов / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М., 2014. С. 20-49.

44. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие в Древнерусском государстве X - XIV вв. // Российский следователь. 2015. № 1. С. 53-56.

45. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие в Московском государстве XV - XVII вв. // Российский следователь. 2015. № 2. С. 52-56.

46. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие от Екатерины I до Екатерины II // Российский следователь. 2015. № 8. С. 51-55.

47. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: «майорские» следственные канцелярии // Российский следователь. 2015. № 5. С. 51-56.

48. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: изменения в процессуальном законодательстве, сопутствующие созданию специальных следственных органов // Российский следователь. 2015. № 3. С. 48-51.

49. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М., 2017. 545 с.

50. Спешилова Т.С. Процессуальная самостоятельность следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 5. С. 171-177.

51. Ткачев И.В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. 29 с.

52. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. // СЗ РФ. 2001. № 54 (ч. 1). Ст. 4921.

53. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М. : Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. III-IV. 560 с.

54. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

55. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

56. Указ Президента РФ от 05.04.2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.

57. Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

58. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4262.

59. Федеральный закон от 05.06.2007 г. №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

60. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

61. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

62. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи

с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

63. Федеральный закон от 30.06.2003 г. №86-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации, предоставлении отдельных гарантий сотрудникам органов внутренних дел, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и упраздняемых федеральных органов налоговой полиции в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2700.

64. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. – СПб. : Альфа, 2003. 450 с.

65. Фоменко И.В. Следователь как субъект принятия процессуальных решений // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. 2007. № 6. С. 294-296.

66. Шейфер С.А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 8-15.

67. Шейфер С.А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5. С. 44-51.

68. Шейфер С.А. Российский следователь – исследователь, или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 35-37.

69. Шишпанов К.А. Инквизиционная функция следователя // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 4 (44). С. 423-427.